

ПОЭТ И ИЗДАТЕЛЬ Д. И. НОВИКОВ,
ЗНАКОМЫЙ А. С. ПУШКИНА

В последние годы в нашем литературоведении заметно повысился интерес к творчеству писателей «второстепенных», представителей так называемой «массовой литературы». Особое внимание при этом вызывают те ее представители, чье творчество и биография находились в тесном соприкосновении с корифеями русской литературы. Обращение к творчеству «второстепенных» писателей из окружения классиков дает порой возможность по-новому взглянуть на отдельные литературные факты и детали. «В любой науке, — замечает Б. С. Мейлах, — закономерность устанавливается на широком, а не выборочном материале. Чтобы понять, какими условиями вызваны перемены, изменения, новые эпохи в литературном развитии, нужно обобщить огромный материал, изучить «массовое» литературное движение. Тогда яснее и полнее представится и значение писателей гениальных, талантов исключительных»¹.

Особенно богаты «второстепенными» писателями 20—30-е годы прошлого столетия, давшие одновременно с А. С. Пушкиным, писателями-декабристами, пушкинской плеядой, большое количество других имен, в основном приверженцев романтизма, многие из которых сегодня не всегда справедливо преданы забвению. Таким и представляется нам безвременно ушедший из жизни поэт-романтик Дмитрий Ипполитович Новиков (1800—1831), сведений о котором сохранилось чрезвычайно мало. Известно только, что он совместно с драматургом и историком Пименом Николаевичем Араповым (1796—1861) издал в 1830 году альманах «Радуга», замечательный уже хотя бы потому, что среди его авторов был А. С. Пушкин, впервые здесь опубликовавший свое стихотворение «К А. Т...вой (Тимашевой)». Отметим, что Дм. Новиков поместил в «Радуге» шесть собственных произведений в стихах и прозе («Звезда», «Судак», «Отрывок из древнего писания «Семик», «Е* Н* Б-ой (Бывало в древних теремах)», «К*** (я стал ленив, вы точно правы)», «Что ты громкий соловей?»), довольно благозвучных и содержательных, и, по-видимому, пользовавшихся определенной популярностью, о чем свидетельствует тот факт, что, на-

¹ Мейлах Б. С. О так называемых «второстепенных» писателях. // Мейлах Б. С. Вопросы эстетики и литературы. Сборник статей. — Л., 1958. — С. 363.

пример, последнее стихотворение было переложено на музыку Б. С. Голицыным².

В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр альманаха «Радуга» с дарительной надписью издателей: «Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. В знак почтения и благодарности от издателей»³. Об активном участии Дм. Новикова в издании «Радуги» свидетельствует его единственное дошедшее до нас письмо, адресованное исследователю древнеримской и славянской письменности К. Ф. Калайдовичу (1792—1843), в котором он просит своего адресата поддержать альманах материалами: «Отъезжая из Москвы, вы обещали мне доставить некоторые статьи для **моего** альманаха, так как многие из отличных литераторов наших уже прислали **ко мне** свои сочинения, другие обещали, то я надеюсь, что и вы не откажетесь сдержать слово; сделайте одолжение, составьте какую-нибудь историческую статью, или опишите вашу поездку в Киев, а равно расскажите нам и о Киеве в теперешнем и бывшем его состоянии, ваше произведение мне будет приятно поместить в альманах. Г. Муравьев, говорят, в Киеве, **я бы очень рад поместить** что-либо из его сочинений и сам бы написал к нему, но не знаю адреса». Далее в письме сообщается о литературных новинках и прежде всего о только что вышедшей в свет пушкинской «Полтаве», как известно, отрицательно оцененной многими критиками и в том числе Н. И. Надеждиным. В отличие от других Дм. Новиков дал высокую оценку «Полтаве», назвав ее лучшей пушкинской поэмой: «на днях вышла поэма Пушкина «Полтава», письмо не позволяет распространяться об ней, но скажу, что она превосходнее всех его прочих поэм»⁴.

Имя Дм. Новикова еще раз встречается на альманашных страницах рядом с пушкинским в 1831 году, когда, после холерной эпидемии 1830—1831 годов, был издан альманах «Сиротка» в пользу детей, осиротевших от холеры. Здесь, рядом с впервые опубликованными пушкинскими произведениями «Мадонне», «Сонет» и «Новоселье», было помещено стихотворение Дм. Новикова «Песня (Небо чисто, небо ясно)»⁵.

Вышеизложенный историко-литературный материал позволяет сделать вывод об определенных контактах Дм. Новикова с пушкинской средой (не случайно Л. Черейский включил имя этого поэта в круг знакомых Пушкина)⁶, что уже должно было бы вызвать интерес к его личности. Между тем, и сегодня, говоря о Дм. Новикове, можно повторить характеристику, данную ему около двух

² Радуга. Литературный и музыкальный альманах на 1830 год. — М., 1830. — Оглавление.

³ Пушкин и его современники. Материалы и исследования. — СПб., 1909. — Т. 3, вып. IX—X. — С. 122.

⁴ Шуйкинский сборник. — М., 1910. — Вып. IX. — С. 163—164//Письмо от 12 апреля 1829 года.

⁵ Сиротка. Литературный альманах на 1831 год, изданный в пользу заведения призрения бедных сирот. — М., 1831. — С. 81—82.

⁶ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. — Л., 1976. — С. 277—278.

десятков лет назад известным библиофилом Ник. Смирновым-Сокольским, где он назван «малоизвестным поэтом»⁷. Настоящая статья, основанная на малоизвестных и забытых материалах, представляет собой первую попытку выявления места Дм. Новикова в современной ему литературной среде.

*
*
*

Более полутора века назад, в 1828 году в Москве в типографии Августа Семена при Императорской медицинско-хирургической академии вышла в свет книга «Песни Золотого рожка (отысканная рукопись неизвестного сочинителя)»⁸. В небольшом предисловии издателя к этой анонимно изданной книге можно прочесть следующее:

«Один из моих друзей, уезжая за границу, оставил мне свои бумаги; пересматривая их, я нашел тетрадь его сочинений. — И бессмертное произведение гения, и самая маловажная повесть в области изящного, более или менее, обращают на себя внимание любителей словесности; руководствуясь этой мыслью, я решился напечатать стихи моего друга; если они доставят несколько приятных минут нашей просвещенной публике, я с удовольствием издам и другие его стихотворения.

Не знаю, почему в рукописи сочинитель не выставил своего имени; подлинник не прикосновенен для меня во всяком случае и потому я оставил его, как он был.

Ни слова не скажу об характере моего друга: читатели сами будут судьями автора; мне остается желать, чтобы предприятие мое, выдать в свет произведение неизвестного пера, заслужило одобрение соотечественников. Новиков».

«Песни Золотого рожка» еще не становились объектом изучения исследователей литературы, между тем ее экземпляры с дарственными надписями за подписью «издатель» имелись в личных библиотеках таких известных тогдашних писателей, как А. С. Пушкин⁹, П. А. Вяземский¹⁰, М. А. Дмитриев¹¹, что уже должно было привлечь особое внимание и к самой книге, и к ее автору, и к ее издателю, которых следует искать в непосредственном литературном окружении названных деятелей русской литературы.

Между тем, ни критика 1820-х годов, ни последующее литературоведение «Песнями Золотого рожка» почти не занимались. Как исключения можно указать на небольшую заметку «Критика. Рус-

---

⁷ Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. — М., 1965. — С. 156.

⁸ Цензурное разрешение от 22 декабря 1827 года. Цензор — С. Аксаков. Далее «Песни Золотого рожка» цитируются с указанием в тексте страницы.

⁹ Библиотека Пушкина. Новые материалы. Исследование Модзалевского Л. Б. // Литературное наследство. — М., 1934. — Т. 16—18. — С. 1004.

¹⁰ Ныне — экземпляр Музея книги Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

¹¹ Ныне — экземпляр Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова.

ские книги», опубликованную сразу после выхода в свет «Песен Золотого рожка» в журнале «Московский вестник», и на составленную В. М. Жирмунским уже в 20-е годы нашего столетия знаменитую библиографию романтических поэм. В первой из них анонимный рецензент, перечислив в следующем порядке шесть новейших стихотворных изданий — анонимные «Песни Золотого рожка», книги Н. Неведомского, П. Волкова, А. Редкина, П. Машкова, С. Дьячкова — выделил среди них интересующую нас книгу: «В том же порядке, в каком поставили мы эти стихотворные произведения, они, по нашему мнению, должны стоять и в современной литературе»¹².

Что же касается В. М. Жирмунского, то он, включив в свою библиографию романтических поэм опубликованные в «Песнях Золотого рожка» «Отрывки из повести «Андрей, или забавы россиян», без всякого разъяснения назвал автором книги некоего Новикова (без указания инициалов)¹³. По всей вероятности, В. М. Жирмунский попросту заимствовал эту фамилию из приведенного выше предисловия издателя. И хотя из-за отсутствия разъяснений версия В. М. Жирмунского не была принята в нашем литературоведении и «Песни Золотого рожка» по-прежнему именуется анонимным изданием, но, на наш взгляд, эта версия заслуживает внимания. Книгу написал Новиков, скрывшийся под маской издателя, и этим автором был, как это будет показано ниже, именно Дмитрий Ипполитович Новиков.

Напомним, что прием «скрытого» авторства, маски издателя, за которой прячется истинный автор, был особенно популярен в России в период, близкий по времени выходу в свет «Песен Золотого рожка». Достаточно напомнить о таких изданиях, где использован этот прием, как «Письма Скимнина» (1814) Р. П. Львова, «Повести Белкина» (1831) А. С. Пушкина и т. д. Иными словами, заглавие интересующей нас книги и должно подсказать нам фамилию ее автора: не просто Песни, а песни, написанные Золотым рожком. В фундаментальном словаре псевдонимов И. Ф. Масанова указано, что «Золотой рожок» (вариант З. р.) псевдоним поэта, сотрудника журнала «Русский зритель» (1828) Новикова¹⁴. Таким образом, заглавие «Песни Золотого рожка» можно прочитать как «Песни Новикова». Заметим, кстати, что «Русский зритель» определенное время издавал К. Ф. Калайдович, адресат цитированного выше письма Дм. Новикова.

С другой стороны, в книге «Песни Золотого рожка» помещено романтическое стихотворное послание «М-ру», отрывок из которо-

¹² Московский вестник, 1828. — Ч. 10, № 13—16. — С. 368.

¹³ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин (из истории романтической поэмы). — Л., 1978. — С. 402.

¹⁴ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4-х тт. — Т. 1. — С. 394 (ср. т. 4, с. 341). В «Русском зрителе» за подписью «Золотой рожок» были опубликованы два стихотворения «О-му» (1828. № 3—4, с. 207—208) и «Осень Лифляндии (Д... И... Б-ну)» (1828, № 7—8, с. 209—211).

го свидетельствует о глубоком прочтении автором Пушкина и понимании значения его творчества для русской литературы, что созвучно соответствующему месту вышецитированного письма Дм. Новикова к Калайдовичу. Вот этот отрывок:

*«Его и Пушкин полюбил:
Младой певец Бахчисарая
Ему по чувствам близок стал,
И нас стихами услаждая,
Певцу, как Гений, подражал:
Сераль роскошного Гирея,
Фискал Гарема, злой звнух
И девы пленницы сам дух
Ни думать, ни желать не смея,
В уединенной тишине,
Под стражей бдительной и холодной,
На ложе скуки безотрадной—
Нам представлялися во сне;
Мария, месяц вечно ясный,
Так непорочна и прекрасна,
Как сердцу близкий идеал:
Певец как будто... знал,
Он так пленительно и ясно
Ее портрет обрисовал...
Под звуки тонкого стакана,
Мой милый, бывший капитан,
Воздаст хвалу твой метроман
Певцу Кавказа и Руслана;
Бештау был его Парнас;
Теперь, с вершины Аю-дага,
Его всевидящий мечтой,
Пред новым, грозным легионом
Махая острой полосой,
Везде летает за Байроном...»¹⁵ (с. 42—43).*

Послание «М-ру» показывает, что его автор был хорошо осведомлен о литературных симпатиях романтически настроенных читателей 1820-х годов. Не случайно в послание включены такие традиционные образные атрибуты романтических поэм того времени, введенных в русскую литературу пушкинскими ориентальными произведениями «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан», как внучка, Мария, Гирей, Кавказ, Бахчисарай, гарем, сераль и т. д.

Именно эта осведомленность приводит автора к созданию широкого лиро-эпического полотна на исконно русский сюжет, в котором описывается героическое прошлое России. Таковы «Отрыв-

¹⁵ В «Песнях Золотого рожка» к последней строке помещено следующее «примечание издателя»: «здесь не достаёт нескольких строф и вообще пропуски сделаны самим автором» (с. 43).

ки из повести «Андрей, или забава россиян» (с. 79—87). Содержание этого произведения, его образная система и в определенной степени заглавие созвучны опубликованным Дм. Новиковым в «Радуге» «Отрывкам из древнего предания Семик», главным героем которых является все тот же Андрей, чья жизнь описана в «древних теремах», под аккомпанемент «баянов, радость напевавших», на фоне «игр, плясок и забав беспечных русских поселян»¹⁶. Все это позволяет предположить, что оба «отрывка» не что иное как части одного широко задуманного романтического произведения на историко-героическую тему со сквозным сюжетом и единым центральным героем Андреем. Кроме того, косвенным подтверждением авторства Дм. Новикова «Песен Золотого рожка» может служить то, что опубликованные им за собственной подписью вышеназванные «Отрывки из древнего предания Семик» и включенное в анонимно изданную книгу стихотворение «Монастырь» (с. 11—15) посвящены одному и тому же лицу — некоей Е. Н. Б-ой, проживающей, как это видно из содержания этих произведений, где-то в К-чах.

Но наиболее точное доказательство этого авторства оставил сам Дм. Новиков, хотя оно до сих пор не было замечено. Дело в том, что в двух стихотворениях, помещенных в «Песнях Золотого рожка», использован прием сфрагиды — упоминание в произведении имени автора данных строк. Этот традиционный прием поэзии Востока завоевал особую популярность у русских романтиков именно с середины 1820-х годов, когда его использовали многие видные поэты (В. Кюхельбекер, А. Пушкин, А. Полежаев, А. Бестужев-Марлинский, В. Туманский и др.). Характерно, что в «Песнях Золотого рожка» сфрагида использована в двух стихотворениях, написанных в жанре послания — «М-ру» и «Друзьям и ...». По нашим наблюдениям, русские романтики чаще всего использовали сфрагиду именно в своих посланиях¹⁷. В послании «М-ру» читаем:

*«Моряк от моря отлученный,
По эполетам молодой,
Зайди на миг полковник мой
В приют мечты уединенной,
Где все кругом оживлено
И все любовь мою питает,
В углу, где Дмитрий обитает,
Все о любви твердить должно...»* (с. 40).

В таком же плане использована сфрагида в своеобразном стихотворном завещании автора — в послании «Друзьям и ...»:

*«Когда знакомый глас
С веселым чувством друга
Невидимо от юга*

¹⁶ Радуга, с. 243—247.

¹⁷ См. Гаджиев А. Дж. Сфрагида в русской литературе. // Известия АН Азерб. ССР, серия литература, язык, искусство. — Баку, 1979. — № 3. — С. 38—45.

*Промчится мимо вас
Над Дудровой горою,
Или в тени шатров
С любимую мечтою,
С пучком простых цветов,
Во сне, в толле видений
Шепнет вам добрый гений,
Как верной смерти глас:
Уж Д м и т р и я нет боле!
В пустынях он погас!
Тогда на чистом поле
С бокалами в руках
О нем воспомяните» (с. 53).*

Творческое использование чисто ориентально стихотворного приема в «Песнях Золотого рожка» получает особое осмысление в свете постоянного обращения Дм. Новикова к теме Востока, столь популярной в современной ему романтической литературе. Так, этой теме посвящены не только новиковские стихотворения «М-ру» и «Татарке», напечатанные в «Песнях Золотого рожка» и включенные П. И. Тартаковским в сравнительно недавно изданную библиографию «Русская поэзия и Восток»¹⁸, но и такие его произведения, как опубликованные в «Радуге» зарисовки «Звезда» и «Судак», написанные вперемежку прозой и стихами, где яркими романтическими красками описана экзотика восточной природы¹⁹.

Произведения эти — своеобразный дневник путешествия Дм. Новикова по восточным окраинам России, маршрут которого (Кавказ-Крым) повторял маршрут знаменитой пушкинской поездки, результатом которой явились его романтические поэмы. Поездку Дм. Новикова можно назвать путешествием вослед Пушкину. Не случайно на Кавказе, описанном в зарисовке «Звезда», его привлекают именно воспетые великим поэтом в «Кавказском пленнике» «просторы вольности»: «Необозримы и ровны нагорные степи Кавказские; светла и чиста лазурь неба южного; очарователен блеск твоей, яркая звезда Востока».

Характерно, что в Крыму, описанном в зарисовке «Судак», Дм. Новикова волнуют иные проблемы — бытия и небытия, романтического мирозерцания и размышления над прошлым и настоящим, весьма созвучные началу и концу крымской поэмы Пушкина — «Бахчисарайскому фонтану».

В «Судаке» читаем: «Здесь все тихо и пусто; редко смертный, пробираясь по ребрам, восходит на темя скалы и там мнит оставить потомству свое неизвестное имя. Суетное желание! Взгляни — здесь все мгновенно!.. Солдайя! Твой труп истлевет в могиле, но с вершины твоего гроба я весело гляжу на чудные картины неиз-

¹⁸ Тартаковский П. И. Русская поэзия и Восток (1800—1950). Опыт библиографии. — М., 1975. — С. 18, 23.

¹⁹ Радуга, с. 173—174 («Звезда») и с. 175—177 («Судак»).

меняемой природы..., взор с вершины утеса склоняется к подошве отвесной скалы и передает сердцу невольный трепет...

Судак! Когда сердце, наскучившееся суетою обширной столицы, захочет усмирить свое бурное волнение, — укажи ему спокойный приют вблизи пирамидальной раны, в виду синего моря и высоких гор прибрежных.

О неотделимости поэзии Дм. Новикова от современного ему литературного процесса свидетельствует ясно ощутимая созвучность ряда тем и мотивов его произведений творческим исканиям поэтов того времени, причем не только романтиков, но и реалистов, что показывает зрелость его поэтического таланта.

В частности, в его стихах можно отметить своеобразный отгослок прочтения бессмертной реалистической комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

А. С. Грибоедов, высмеивая преклонение русского дворянства перед всем иностранным, с горечью писал о его стремлении говорить по-французски, что приводило к забвенью родного языка:

*«Здесь нынче тон каков?
На съездах на больших, по праздникам приходским
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским?»²⁰*

Сходные мысли можно найти и в новиковском стихотворении «Старику...»:

*«И мы заслужим эпиграммы
Смешны покажемся детям,
И осмеют они, пролазы,
Как мушек древние проказы
Французский лепет русских дам» (с. 77).*

Созвучна оценкам великих современников и новиковская точка зрения на ряд литературных явлений того времени. Так, известно, что думы передовых литераторов 1820-х годов волновал великий английский поэт-романтик и революционер Дж. Г. Байрон, и многие из них (К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. С. Пушкин и т. д.) посвятили ему свои произведения. Достаточно указать, что в одном из своих стихотворений Дм. Новиков так же, как и другие, отметил протестантский дух поэзии английского поэта:

*«Мы вдохновенного Байрона
Почтим и сердцем и душой;
Он нам в пылу воображенья,
Тоску и мрачное мученье
С уныньем сладко перелил,
И нас, суровый, научил
Питать к невежеству презренье» (с. 41).*

---

²⁰ Грибоедов А. С. «Горе от ума»./Грибоедов А. С. Сочинения в стихах. — Л., 1967. — С. 83.

Другой пример, известно, что широкой популярностью в 20-е годы пользовался Н. М. Карамзин, «Историю государства российского» которого с жаром читала вся образованная Россия, впервые знакомящаяся с собственной историей. Среди множества поэтических откликов на смерть историографа в 1826 году одним из лучших, на наш взгляд, является новиковское четверостишие «На смерть Николая Михайловича Карамзина», содержащее высокую оценку деяний автора «Истории государства российского»:

*«На небе севера потухнул яркий свет!
Оплачьте гения прах вечно незабвенный!
Прочь зависть алчная! Он встанет вдохновенный
Вещатель истины и славы и побед» (с. 57).*

Таким образом, рассмотренный материал позволяет, на наш взгляд, со всей ответственностью утверждать, что «Песни Золотого рожка» принадлежат перу Дм. Новикова — талантливого поэта и деятельного издателя, близкого знакомого Пушкина, Вяземского, М. Дмитриева, творчество которого развивалось в общем русле исканий современной ему литературы, отразив собой некоторые направления этих исканий.

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Межвузовский сборник научных трудов

**ПОСВЯЩАЕТСЯ
СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА
ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА МАЙМИНА**

Псков 1991